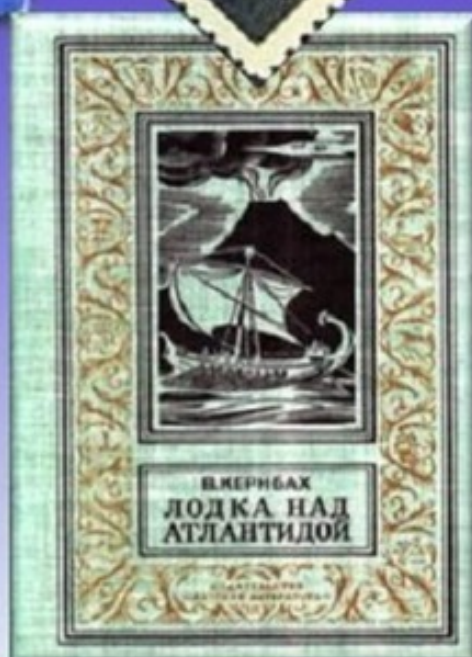
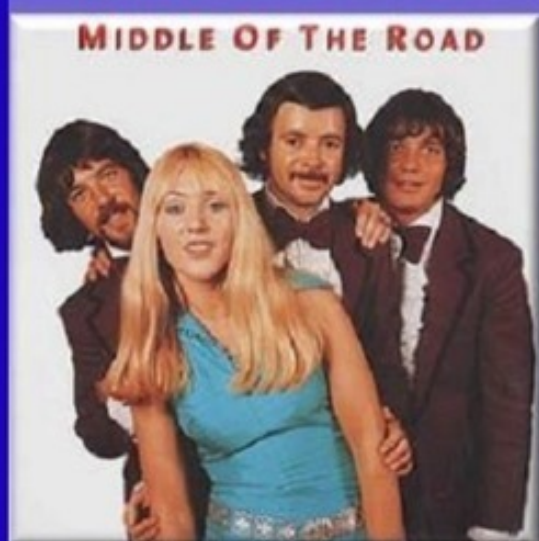

Евгений Скоблов КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО

ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ

**Коллекционер будущего.
Повесть, рассказы**

«Издательские решения»

Скоблов Е. М.

Коллекционер будущего. Повесть, рассказы / Е. М. Скоблов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936092-2

Так случилось, что основным детским населением нашей многоквартирной пятиэтажки, были мальчишки, причём все примерно одного возраста. Во времена, когда об Интернете и мобильных телефонах не писали даже фантасты, а на черно-белых телевизорах было всего два канала, мы развлекали себя сами, насколько позволяла фантазия.

ISBN 978-5-44-936092-2

© Скоблов Е. М.
© Издательские решения

Содержание

КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО	6
Отличный Повар	8
«Лодка над Атлантидой»	11
«Икар ХВ – 1»	14
Красный Ленинград – 68	17
Серия «Черчилль»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Коллекционер будущего

Повесть, рассказы

Евгений Маркович Скоблов

© Евгений Маркович Скоблов, 2018

ISBN 978-5-4493-6092-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Идея создания этой книги, и, в общем, история реализации проекта «Коллекционер Будущего» берёт начало в 2015 году, когда у меня возникла мысль совершить виртуальное путешествие в Прошлое с блокнотом и карандашом в руках. Я сделал несколько набросков – воспоминаний, затем обработал их в форме историй и рассказов. Вышло нечто среднее между художественной прозой и автобиографическими заметками, основанными на развитии личных переживаний. Книга шла постепенно, и, после примерно двух лет работы, удалось отыскать оптимальную, на мой взгляд, форму для книги. В неё вошли повесть «Коллекционер Будущего», серия коротких рассказов, объединённых в подборку «Семь маленьких грустных историй» и несколько рассказов разных лет.

Большинство из работ, представленных в книге, в течение 2015 – 2018 годов напечатаны отдельными главами и рассказами в российских периодических литературных изданиях: литературном альманахе «Донская сотня» (г. Ростов-на-Дону), литературно-художественном альманахе «Ковчег» (г. Тула), вестнике Академии российской литературы альманахе «Московский Парнас» (г. Москва), литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (г. Тула), Международном литературном журнале «Новые Витражи» (г. Москва), литературно-художественном альманахе «Слово» (г. Геленджик), сборниках современной прозы «Житейское море» (г. Нижний Новгород) и «Канатоходцы» (г. Москва).

Выражаю глубокую благодарность издателям, литературным критикам, друзьям за поддержку и помощь в продвижении книги: Леониду Ханбекову, Алексею Яшину, Эльмаре Фаустовой, Марине Чайкиной, Валентине Гончаровой, Сергею Даштамирову, Якову Шафрану, Борису Катковскому, Сергею Овчарову, Борису Кузине, Валерию Филатову, Инне Яковлевне Гальпериной, Галине Викторовне Путилиной.

КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО

В младших классах мне очень хотелось быть примерным и хорошим мальчиком. Мне кажется, я честно старался, но у меня, мягко говоря, это не всегда получалось. И взрослые в один голос повторяли, что если я не буду слушаться старших и плохо учиться, то вырасту лоботрясом. Но мы, мальчишки, устроены так, что подрастая, часто берем пример не с самых лучших, а иногда с очень нехороших наших сверстников, и ребят чуть постарше. По неопытности я думал, что наглубить учителю – это круто, прогулять день занятий – клёво, а выкурить сигарету за углом – вообще по-взрослому. Но так складывалось, что почти за все ошибки, меня как правило, сразу и строго наказывали. И хуже всего было то, что мне бывало очень стыдно за свои проделки... Стыд, это, знаете ли, такое чувство, что иногда думаешь, уж лучше бы получить по зубам... Честное слово!

Однажды в шестом классе, нас с другом поймали за игрой в «орлянку», и отвели в детскую комнату милиции. Был большой скандал, родителей вызывали к директору школы, а нас чуть не исключили из пионеров. После соответствующих воспитательных мероприятий в школе и дома, я со слезами на глазах дал Торжественное Обещание быть Хорошим, на семейном совете. После этого, я, если не стал отличником учебы и поведения, то старался, в общем, вести себя прилично и не получать плохих отметок. Также, в воспитательных целях, меня записали в художественную самодеятельность, и я, в составе ансамбля, танцевал народные танцы на летних детских площадках. А ещё меня приняли в школьный Клуб Интернациональной Дружбы, где мы проводили акции протеста против войны во Вьетнаме, собирали и отправляли посылки голодающим детям Африки...

И раньше, и, особенно после исторического привода в милицию, у меня, как и у моих друзей, было много, как говорят, «нормальных» увлечений, которые, в общем поощряют взрослые, и всячески им содействуют. Главное место в разное время занимали почтовые марки, книги и кино. Немного позже – популярная музыка, фотография и кое-что ещё. Кто знает, очень может быть мои увлечения сыграли не последнюю роль в том, что я больше не попадал в детские комнаты милиции... да и взрослые тоже.

Мы становились старше, появлялись новые интересы. Увлечения с возрастом тоже менялись, старые уступали место новым, в зависимости от новых веяний молодежной моды. А вот куда подевались те, что стали нам не нужны? Куда пропали наши маленькие друзья? Модели автомобилей и самолетов, оловянные солдатики, значки, почтовые марки, детские книжки... «Забойная» мелодия, переписанная у друга на катушечный магнитофон, и растворившаяся во времени, не оставив ни названия, ни исполнителя. Фильм, который хотел посмотреть, но не удалось, а потом, сколько не пытался его найти, никак не получалось...

Уже будучи взрослым, я часто думал об этом, и мне иногда представлялось, что предметы, составлявшие наши увлечения и приносившие радость в детстве, имели очень тонкую чувствительность, порожденную нашим воображением. И как только наш интерес к ним угасал, они куда-то девались, терялись, в общем, исчезали. Папа мне всегда говорил: «как ты относишься к вещам, так и вещи будут относиться к тебе...»

Но наша память – явление уникальное, поэтому, когда мы вспоминаем о детстве и юности, то невольно припоминаются и эти спутники нашего Далёкого и Светлого прошлого. Ведь если вдуматься, то и они тоже (как, например, старые фотографии) способствуют сохранению нашей памяти о минувшем. Эти вещественные и духовные составляющие культуры нашего личного прошлого, словно маленькие камешки мощного фундамента, на котором установилось, окрепло и возмужало наше «Я».

Не могу точно сказать, когда это началось, но в один прекрасный день, у меня возникло непреодолимое желание вспомнить о своих увлечениях и вещах, что были со мной

в далёкие, теперь уже, времена. Сначала вспомнить, а затем, может быть разыскать и вернуть, хоть что-нибудь... Нет, конечно о «возвращении» оригиналов речи быть не может – все они, если и существуют, то в разных мирах, и в разных временах, там, куда попасть невозможно. Но попытаться восстановить точные копии – вполне реально, надо только очень захотеть...

Отличный Повар

Моя бабушка из города Ростова-на-Дону во время Великой Отечественной войны была поваром. И, насколько я понял из рассказов мамы, она была очень хорошим поваром, потому что готовила очень вкусные блюда для солдат и офицеров действующей армии. Детали и подробности героического прошлого моей бабушки мне неизвестны, потому что когда мне пытались рассказывать об этом, меня ещё, к сожалению, интересовали совсем другие вещи, посеуму, слушал я невнимательно, и конечно, ничего не запомнил.

Однажды, когда мы очередной раз гостили у бабушки, я кое-что отыскал в старом комод. Это был наградной значок, какие во время войны вручали отличившимся бойцам Красной Армии. Я говорил о том, что бабушка была очень хорошим поваром, и мог подтвердить это уже исходя из собственных познаний бабушкиного кулинарного мастерства. А теперь, я узнал, что она не просто хороший, а отличный повар. Потому что военный значок, который я обнаружил в комод, среди других очень старых вещей, назывался «Отличный повар», и принадлежал он именно бабушке. Ящик комода пропах стариной, и я запомнил этот запах, и этот комод, и даже этот день.

Я держал в руках старинную вещицу в виде древнерусского щита, с потемневшим бронзовым изображением серпа и молота в красной окружности по центру, и надписью «Отличный повар» по кругу. Ещё там была маленькая нашлапка в виде полевой кухни в самом низу «щита». Тогда я не знал, что этот знак-жетон появился в 1943 году, среди многих других, таких же, соответствовавших различным воинским специальностям, «Отличный связист», «Отличный артиллерист», «Отличный пулеметчик»...

Разумеется, бабушка мне его подарила, и он, среди множества очень нужных и интересных подарков уехал со мной. Как оказалось, в Очень Большое Путешествие во Времени. Но, первоначально, совместное путешествие оказалось до обидного коротким. Потому что на пути моего движения появился мальчик по имени Валера, которому наградной знак моей бабушки оказался гораздо нужнее, чем мне самому.

Валера, один из ребят с нашего двора, едва увидев значок, тут же проникся идеей и большим желанием его обладания. Он чуть ли не выхватил у меня его из рук, стал вертеть туда и сюда, откручивать закрутку, чмокать губами и шлепать языком.

К делу он приступил немедленно. А чего тянуть резину-то? Сначала он стал просто выпрашивать «Отличного повара». Не просить, а выпрашивать: кланчить, скулить и нудить, таскаясь за мной по двору. Он брёл чуть сзади и приговаривал, что этот значок ему очень-очень нужен, что он собирает коллекцию именно таких значков, что как раз не хватает именно этого, что лично мне он совсем не нужен и всё в этом духе. Я никак не хотел отдавать значок, что-то там, глубоко внутри противилось этому, хотя, в сущности, я был «добрым» и безотказным мальчиком, и мне доставляло удовольствие, когда я мог чем-нибудь порадовать своих приятелей. Впоследствии эту черту моего характера подмечали некоторые друзья-товарищи (или те, кто называл себя таковыми) по жизни, и умело, себе в радость ею пользовались. А некоторые из них даже нагло и беззастенчиво, но это происходило уже в зрелые годы. До тех пор, пока я не перестал совершать бескорыстные поступки и делать добрые дела для всех подряд, а стал разбираться, кому действительно необходима моя помощь.

«Отличный повар» не хотел уходить от меня, я это чувствовал, ощущая в ладони тепло тяжелого металлического значка-жетона. Ведь это был подарок бабушки, чтобы я всегда о ней помнил, помнил комод в маленькой спальне, запах старины и косые лучи заходящего солнца в маленьком окошке. Но, как настоящий советский пионер, Валерка был очень настойчив. Сейчас бы я это определил как «неприлично настойчив», видимо он поставил перед собой цель и решил «бороться, искать, найти и не сдаваться»...

В то время большинство мальчишек было увлечено выплавкой из свинца разных штук-чек-фигурок-безделушек. Занятие, в общем, небезопасное, поскольку было связано с разведением огня, где попало, разбором старых автомобильных аккумуляторов в целях добычи «сырья», и, собственно, парами, которые приходилось вдыхать, когда свинец расплавлялся в консервных банках. Самой собой, всех этих опасностей мы не замечали. И вовсю были увлечены изготовлением всяких якорьков-крестиков, мордочек-скелетиков, а также грузил для донок различных форм и конфигурации.

Как-то Валера раздобыл парочку игральных шашек из очень прочного материала с правильной формы округлым углублением с обратной стороны. А внутри углубления было выдавлено изображение льва – отличная форма для заливки! Когда мы залили свинец в одну из шашек, то получили совершенно круглую, тяжелую и толстенькую монетку с четким изображением льва в самом центре, и очень похожую на настоящую монету! Отбросив в сторону все остальные заготовки, мы вплотную занялись изготовлением «луидоров», так мы назвали нашу новую валюту. Несколько монеток досталось мне, все остальные забрали себе Валера и его младший брат Виталик. Мы были очень довольны своей выдумкой, хотя во дворе наши монеты больше никого не заинтересовали. Мы же нашли им применение, «луидоры» служили ставками при игре в подкидного дурака, лото и домино.

А однажды, когда я проиграл всё, что у меня было (около тридцати свинцовых «львов»), Валера предложил мне обмен. Он даёт мне пятьдесят, нет, сто «луидоров», а я отдаю ему «Отличного повара». По его мнению, для меня это было очень выгодно, он так и сказал. И ещё добавил в виде шутки, что сам он вполне может считаться «отличным поваром», потому как, свинец надо сначала «сварить», а потом и приготовить из него «деньги». Честно говоря, я очень устал от Валеры, от его суеты, нахрапистости и уговоров.

И я отдал ему бабушкин значок.

Я очень пожалел об этом сразу же после того, как он выхватил у меня из рук «Отличного повара» и исчез вместе с ним. Чувство досады и обиды на себя за безволие, никуда не делось и теперь. Хорошо, что память нельзя ни подарить, ни продать, ни обменять, хотя бы даже за сто миллионов свинцовых «луидоров». Но тогда обмен состоялся, он отсчитал сто монет, наши пути разошлись, и дружба на этом закончилась.

Я иногда думаю о том, что тяжело дружить с людьми, которым, кроме собственно дружбы, от тебя постоянно что-нибудь нужно.

Но всё же, «Отличный повар» остался со мной, потому что через одну вечность наступил один день, когда он вернулся. Да, это был не тот самый знак отличия, с которым я так печально расстался сорок с лишним лет назад. В новом тысячелетии наша встреча состоялась, конечно, на «Вернисаже», где мы частенько бываем с женой. Когда пришла пора, «Отличный повар» был в числе первых среди вещей, которые я терял в жизни и теперь хотел бы вернуть.

На «Вернисаже» много предметов материальной культуры прошлого, ожидающих своих хозяев, и если вы захотите вернуть что-нибудь из своего детства, то вам именно туда. Первый уровень блошиного рынка в основном для иностранцев – матрешки-самовары-лубок, а вот второй и третий уровни для коллекционеров Прошлого. В тот день, я без труда отыскал человека, который продавал такой и ещё много других «отличников» – стрелков, минометчиков, минёров... понтонёров. «Отличный повар» достался мне недорого, и продавец был бы очень удивлен, если бы знал, что я был готов заплатить гораздо больше. Теперь значок лежит у меня на рабочем столе, я смотрю на него, иногда беру в руки, и снова оказываюсь в маленькой комнатке с косыми лучами заходящего солнца в маленьком оконце и старым комодом. Чем не путешествие во времени?

В судьбе моего «отличника», а точнее его возвращенной копии, мог поучаствовать ещё один человек. Мой приятель по последнему месту работы, между прочим, коллекционер – нумизмат и фалерист, очень интересующийся, в том числе и наградами знаками времён Вели-

кой Отечественной войны. Он-то мне и поведал, когда я рассказал ему о знаке и историю с ним связанную, что на «Вернисаже» за такую цену я приобрёл не подлинный знак-жетон, образца 1943 года, а современный новодел, специально изготавливаемый в больших количествах для продажи иностранцам. Скорее всего, Сергей Викторович был прав, ведь он не просто «погулять вышел», он – настоящий коллекционер, а такие люди, как известно, знают точную цену всем редким старинным вещам, в особенности, когда речь заходит о значках «Отличный повар», выпуска 1943 года. Он, между прочим, и как-то отстранённо предложил мне принести значок, чтобы он «глянул» на него, и вынес окончательное определение. Определение Знатока – Специалиста.

Спорить с Сергеем Викторовичем я не стал, но и значок не принес. Мне хватило одного коллекционера, который ко всем своим достоинствам умел отливать деньги из свинца. Я вдруг подумал, что у Сергея Викторовича тоже ведь может вдруг оказаться случайно сотня-другая каких-нибудь лишних монет, или что-нибудь другое в этом роде. Ну и... ещё раз отдавать в чужие руки память о бабушке, а теперь уже и свою собственную, я не пожелал. Я лишь сказал Сергею Викторовичу, что значок приобретался не для коллекции, по признаку его подлинности или каталожной нумизматической оценке. Просто такой у меня когда-то был, и по моей вине ушел. Сейчас я его вернул, чем, в определенном смысле искупил свою ошибку перед памятью о бабушке, перед своим временем, перед собой, наконец. В общем, опытный фалерист мог поучаствовать, но «не срослось», я этого не допустил. Слава Богу.

Я думаю, что надо стараться не впускать в свой мир посторонних. Я знаю, что это очень трудно, вон сколько посторонних окружают нас везде – в школе, в институте, на работе, среди «вроде бы» друзей-приятелей, в Интернете, но надо постараться минимизировать их участие. Они засоряют память, вносят сумятицу в мысли дурацкими советами, пустой информацией и собственными взглядами на жизнь. И, между прочим, могут легко отобрать (выпросить, выменять и др.) что-нибудь для вас очень важное, ценное и значимое. Что-то, что порой может быть очень важной составной частью нашей памяти.

Ну а если такое, вдруг случилось, следует приложить все силы, чтобы постараться вернуть утраченное.

Даже, если на это потребуется сорок лет.

«Лодка над Атлантидой»

Одной из книг, что я прочитал в возрасте от семи до тринадцати лет больше трех раз, был фантастический роман румынского писателя Виктора Кернбаха «Лодка над Атлантидой». До неё абсолютными лидерами, прочно удерживающими первое и второе место, были «Приключения Тома Сойера» Марка Твена и «Марка страны Гонделупы» Софьи Могилевской. Эти книги я перечитал по семь и пять раз соответственно. С появлением в моей жизни «Лодки над Атлантидой», «суперхита» стало три, и все три долгое время прочно удерживали первое место среди всех остальных книг.

«Лодка над Атлантидой» была выпущена в издательстве «Детская литература» в 1971 году и вошла в серию «Библиотека приключений и научной фантастики», известной в среде читающего народа, а особенно у книголюбов, как «Золотая рамка». Когда я немного подрос, и стал всерьез увлекаться книгами, и не только их чтением, но и коллекционированием, насколько позволяли мои, а главное возможности родителей, то узнал, что заполучить в свою библиотеку книгу из этой серии – очень большая и редкая по тем временам удача. Наверное, это был тот случай, когда оформление обложки играло не последнюю, а может быть, и одну из главных ролей в том, что серия пользовалась таким спросом и популярностью. Эти книги завораживали и притягивали к себе читателей, книголюбов, букинистов и разного рода спекулянтов, независимо от авторов и содержания. Что-то магическое было в самих книгах этой серии. Я, как и все вышеперечисленные уважаемые и заслуженные люди, также увлекся «золотой рамкой», но это случилось немного позже.

А тогда, в далеком 1971 году, эту книгу подарил мне папа. В то время он служил в Центральной группе советских войск в Чехословакии, и привез её оттуда. Я думаю, что он приобрел «Лодку» в магазине военторга, куда помимо всяких «дефицитов», иногда попадали редкие в Советском Союзе книги.

Я долго ходил вокруг да около, не решаясь начать читать, хотя фантастика, из всего, что я тогда читал, притягивала больше других жанров. Что касалось произведений школьной программы, то они, признаться, шли со скрипом. Грустно всё это было, во всяком случае для меня, может быть ещё и потому, что читать *заставляли*. И вот, однажды, я просто сел, открыл книгу где-то на середине, около одной из иллюстраций, и стал читать.

Увлёкся почти мгновенно, сюжет меня захватил, и, кстати, не казался таким уж фантастическим. Напротив, все события, описанные в романе, выглядели очень правдоподобно и, по моему мнению, вполне могли быть в действительности, в те времена, когда Атлантида могла существовать, а потом... не существовать. В первый раз я её не дочитал до конца, потому что сразу же, после нескольких десятков страниц, начал сначала. А дальше, оторваться уже не мог. Помимо всего прочего, роман был написан лёгким и понятным языком. После того как я прочитал книгу в третий раз подряд, я на время о ней забыл. Потом, периодически снова возвращался, и, если в это время было что-то ещё, то я читал поочередно сразу две книги. Я был переполнен восторгом, восхищением, а некоторые места перечитывал по несколько раз.

Прошло несколько лет, и мы сдружились с Андреем, мальчиком из соседнего подъезда. Вернее, мы с ним дружили и раньше, но когда немного повзрослели, у нас обнаружились общие интересы и увлечения, среди которых книги, а немного позже, музыка и фотография были основными. Разумеется, мы делились с ним впечатлениями о прочитанном, обменивались книгами и собирали их. Конечно, я рассказал Андрею о «Лодке над Атлантидой», и, как мне показалось, в цветах и красках пересказал сюжет. И конечно, дал ему почитать. Мне очень хотелось доставить удовольствие другу, и самому получить от этого удовольствие.

Андрей книгу взял, но, насколько я понял, прочитать её не торопился. При встречах (мы часто «магнитофонили» – обменивались записями, то у меня, то у него дома) он о ней не вспо-

минал, вообще ничего не говорил. Но однажды, когда я спросил у Андрея, понравилась ли ему «Лодка над Атлантидой», он сказал, что очень жалеет, но должен сообщить, что этой книжки больше нет. Вернее, где-то она, конечно, есть, но она потерялась. А если уточнить, то пропала при невыясненных обстоятельствах, в подвале у Трицька.

Трицьком называли одного хулиганствующего типа с нашего двора, чуть постарше нас. Человеком он был небезопасным, хотя бы потому, что никогда не было точно известно, что он задумал, и когда от него ждать очередной злой выходки. Самыми «безобидными» его развлечениями были мелкий грабеж ребят помладше в нашем дворе и за его пределами, распитие вина и пива в компании юных бандитов, участие в не очень опасных драках с пионерами. Однажды он подбил нескольких мальчишек идти бить стекла в палатках пионерского лагеря, который во время летних каникул расположился неподалеку, в городском парке. Поймали и сурово наказали всех, кроме Трицька. Его, как выяснилось позже, там вообще не было. А ещё выяснилось, что он и понятия не имеет ни о каком лагере...

Каким образом примерный мальчик Андрей оказался у него в подвале, и почему у Андрея была с собой моя книга, не очень понятно. Скорее всего, он вышел во двор погулять, и почитать на свежем воздухе. Возможно, Трицьк его заманил в свой подвал, который «оборудовал» под «комнату отдыха от родителей», чтобы предложить выкурить сигарету, тогда некоторые ребята тайком начинали покуривать. В общем, книга пропала, а Андрей толком не мог объяснить, куда она подевалась. Сказал лишь, что в подвале в тот раз было много народу, все толкались, матерились и курили... и книга исчезла... в табачном дыму...

Я был очень расстроен. И не только потому, что на тот момент это была одна из самых любимых моих книг, а ещё и потому, что к этому времени, я уже знал, что некоторые дорогие людям вещи иногда пропадают безвозвратно. И когда они теряются, и человек знает, что вернуть их невозможно, он очень страдает. И если вдруг, какая-нибудь вещь отыскивается в огромной бесконечности повседневности, то это очень большая удача, если вообще не самая большая удача в жизни. Я же был уверен, что книга не найдется никогда, тем более, что в деле был замешан такой человек, как Трицьк.

Но потом произошло невероятное. И случилось это, примерно через год или полтора, когда мы были уже старшекласниками. Ко мне домой пришел сияющий Андрей, и с видом скромного победителя протянул немного потёртую, но в общем «живую», целую и невредимую «Лодку над Атлантидой». Он только попросил меня ни о чем не спрашивать, потому что, не сможет толком ничего рассказать. Я, в общем-то, не настаивал, хотя вся история выглядела, по меньшей мере, удивительной. Главное – книга нашлась! А это и было самым важным. Правда, Андрей тут же снова попросил у меня её почитать, ведь он же не успел, до того как она исчезла в подвале у Трицька. Конечно же, я не мог отказать другу... никак не мог! А наверное, следовало бы.

Потому что на этот раз, Андрей мне её так и не вернул. Книга ушла окончательно, навсегда. Вскоре мы окончили школу и наши пути разошлись. Впоследствии мы изредка встречались, в разные времена, но о книге как-то забылось... Забылось? Нет! Я о ней помнил всегда. Где-то там, в глухих, затерянных подвалах «глубокой» памяти.

И всё же, я её нашел. А может быть, это она меня отыскала, моя «Лодка над Атлантидой», и прилетела за мной через время (сорок с лишним лет) и пространство (несколько световых мгновений). Однажды мы с женой прохаживались по «Вернисажу», и вдруг, у одного торговца старыми книгами я увидел «знакомое лицо» в золотой рамке. Это была Она, теперь уже основательно потрепанная. Нет, конечно же, не та самая, что когда-то пропала в подвале у Трицька, но всё же, «Лодка над Атлантидой». Всё-таки наши трассы пересеклись, и через сорок лет мы снова встретились, в другом месте, в другое время, в другой жизни. Моё, давно забытое несбыточное желание вернуть утерянное, всё же исполнилось. Поэтому, испытывать судьбу ещё раз я не захотел, и не откладывая до «следующего раза», сразу же купил её.

Теперь она рядом, среди дорогих моей памяти предметов в моем «творческом» уголке.
Среди моих Самых Любимых книг.

«Икар ХВ – 1»

Что может быть для молодого человека, лет двенадцати, огорчительнее несбывшегося желания? В мире, полном удивительных, захватывающих событий и прекрасных вещей, когда до определенного возраста исполняется почти всё или очень многое, чего не пожелаешь... И когда, вдруг, случается, что вполне безобидное желание по каким-то причинам сбыться не может (не получил желаемую игрушку, друг пообещал что-то и не сделал, и много чего ещё), это почти всегда – маленькая трагедия, которая оставляет след в памяти и душе, в восприятии окружающего мира.

В гарнизоне, где служили наши отцы, для нас, мальчишек и девчонок, большой и загадочный мир был несколько ограничен. Двор в окружении трех домов офицерского состава, школа, куда нас каждый день доставляли на автобусе в другой город, спортивный зал и клуб на территории воинской части.

Спортивный зал посещали ребята постарше, там один из солдат – мастер спорта по боксу проводил с ними занятия и тренировки. Те кто поменьше, ученики младших классов, в основном болтались в районе расположения клуба. Нет, конечно же, были и другие интересные места, например, танкодром или стрельбище, но ходить туда было небезопасно, могли поймать и строго наказать. В «разрешенных» местах числились автопарк, спортивный городок, и, собственно, сам небольшой чехословацкий городок с названием Крнов.

Клуб был местом, где проводились различные торжественные мероприятия, концерты художественной самодеятельности и показывали кинофильмы, доставлявшиеся из штаба Центральной группы войск, а туда, непосредственно из Советского Союза. Для солдат и сержантов были свои сеансы, а для офицеров, сверхсрочников и членов их семей фильмы показывали отдельно. Мы же старались попасть на все фильмы, хотя сеансы для рядового и сержантского состава нам, мягко говоря, посещать не рекомендовалось. Зрители часто громко и нецензурно выражали свое отношение к тому, что происходило на экране, и считалось, что это может не лучшим образом повлиять на детское неокрепшее сознание.

Именно в этом солдатском клубе я впервые посмотрел такие шедевры советского кино как «Джентльмены удачи», «А зори здесь тихие...», «Война и мир». Показывали, конечно, и «про индейцев» ге-де-эровского производства, очень много о войне, а также «взрослые» и не очень понятные для нас фильмы. Но среди всех, эти запомнились навсегда – именно в привязке к этому солдатскому клубу, и к тем временам.

Однажды папа сказал, что к праздничным дням (по-моему к Дню Советской Армии и Военно-Морского флота) в часть привезли несколько новых и очень интересных кинокартин, среди которых, имеется (подумать только!) фантастический фильм чехословацкого производства, под названием «Икар ХВ-1». В то время, в виду очень небольшого количества кинофильмов в жанре фантастики, и очень ограниченного доступа к хорошей литературе подобного рода, я, да и многие другие ребята как раз очень увлекались фантастикой. Тогда я в первый раз прочитал «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, а больше ничего такого в нашей полковой и в школьной библиотеке не было. И тут вдруг, целый фильм, к тому же иностранный! Фильм, насколько я понял по названию (и ещё мне сказал папа), о космическом корабле и экипаже, направляющемся к другим мирам, с приключениями и опасностью на каждом шагу. В общем, самая настоящая фантастика, да ещё и «не наша» фантастика!

Я был настолько взбудоражен и взволнован, что считал даже не дни, а часы, до того момента когда фильм будут показывать в клубе. Я с увлечением рассказывал своим друзьям и приятелям о предстоящей премьере, о том, что нас всех ждет увлекательное и незабываемое, почти что, чудо. Я тогда не думал, что может быть кому-то из ребят это не очень интересно (или не очень понятно), но все мне отвечали, что да, это ужасно интересно, и все обязательно

пойдут в кино. Тогда я совершенно не сомневался и был абсолютно уверен в том, что то, что интересно мне, просто не может быть неинтересным для всех остальных.

Когда в детстве мы пребываем в постоянном поиске увлечений и интересных для нас занятий, когда ещё не сформировалось четкого представления, о том что нам нравится, а чем не стоит заниматься, мы часто увлекаемся то одним, то другим, то третьим. Для нас также очень важно, а что же интересует наших приятелей, или что интересным для нас считают взрослые. Что касается лично меня, то я и тогда и потом не часто находил товарищей по своим увлечениям, и то, лишь на некоторое время.

Однажды в гости ко мне пришел один мальчик, мой хороший приятель. Для начала мы позанимались какой-то ерундой, посплетничали о девчонках, потом разговор перешел на книги. Я тогда во второй раз перечитал «Приключения Тома Сойера», и стал ему рассказывать, насколько это интересная и замечательная книга. Он меня слушал, кивал и соглашался, но мне казалось, что особого интереса не проявлял. Я прочитал ему вслух одну главу о том, как Том Сойер познакомился с Бекки Тетчер, а затем и влюбился в неё. Мне казалось, что тема любви для нас, мальчишек в возрасте Тома Сойера очень актуальна, и она просто не может не заинтересовать такого моего приятеля как Коля Закатов. Особенно, если об этом написано в толстой книжке. Когда я, наконец, закончил читать, Коля сказал:

– Ну, и зачем ты мне всё это читал?

Тогда-то я впервые задумался о том, что книга, которая понравилась мне, может быть интересна далеко не всем ребятам, и даже хорошим приятелям. Вот модели автомобилей, всякие военные штучки, вроде пулеметных лент и гильз от крупнокалиберных пулеметов – совсем другое дело. И, само собой кино «где много стреляют», или «про шпионов»...

В общем, я с нетерпением ожидал, когда наступит долгожданная суббота, в предвкушении просмотра настоящего фантастического фильма, который, возможно расскажет, а главное покажет мне много нового и необычного, чего я пока не видел и не знал. По субботам, как правило, проводили три сеанса, два из которых, в утреннее и послеобеденное время для солдат, а вечером для семей офицеров. Когда будут показывать «мой» фильм в предстоящую субботу точно никто не знал, но папа сказал, что скорее всего, вечером. На дневной сеанс (показывали какую-то муру, с ни о чём не говорящим названием), я решил не ходить, чтобы не портить впечатление, которое собирался получить от незнакомого, но уже *полюбившегося* мне фильма о путешествиях к далеким звездам.

...Когда в субботу вечером я пришел в клуб, и узнал, что «Икар ХВ-1» показали днём, то был расстроен настолько, что даже заплакал от досады и обиды. Я ещё никогда не испытывал такого горького разочарования. «Муру», как оказалось, перенесли на вечер, потому что посчитали, что она будет интереснее для взрослых, а днём показали моего «Икара». Но ещё обиднее было то, что все ребята, которым я рассказывал о предстоящем фильме, его посмотрели, потому что пошли на дневной сеанс. Среди них были и лучшие мои приятели. Конечно, мне следовало идти на оба сеанса со всеми вместе, всё равно проболтался, ничем определенно не занимаясь. Я обиделся на ребят, и наверное, зря, потому что, кто же уйдет с фильма, чтобы разыскать меня и сказать что именно сейчас, а не вечером, показывают то, что я так долго и с нетерпением, ждал.

В общем, ни тогда, ни позже мне этот фильм посмотреть так и не удалось. Я даже не знаю, показывали его в Советском Союзе, или нет.

Почему же сейчас, более чем через сорок лет, я думаю об этом? Наверное потому, что подобные воспоминания никуда не уходят, они живут с человеком, и между прочим, служат верную службу. Поскольку они есть опыт, и всегда напоминают и предупреждают о том, что жизнь, в общем-то, во многом состоит из подобных разочарований, и к ним надо быть готовым.

Прошла вечность, состоящая из бесконечной череды многих маленьких вечностей. Пришли и ушли другие времена, люди, события, обстоятельства, удачи и неприятности, и я снова

вернулся к фильму «Икар ХВ – 1». Он выплыл из закоулков памяти совершенно случайно, где хранился все эти годы, точнее название фильма и воспоминания о том, как я его не посмотрел. Значит, я должен был его посмотреть, там в нашем маленьком клубе, в кругу своих маленьких друзей, в той маленькой вечности.

Сначала я нашел информацию о фильме в Интернете, а потом заказал его в одном из павильонов магазина «Музыкальный парк». А в апреле 2013 года, в одну из свободных суббот, состоялся исторический просмотр (возвращение на «наши» экраны) художественного фильма в жанре фантастики и приключений «Икар ХВ – 1», на кухне московской квартиры в «вечерний сеанс». Не берусь судить о том, какие бы чувства я испытал от просмотра фильма в двенадцатилетнем возрасте, но сейчас, когда я уже убеленный сединами, но всё ещё мальчишка, там глубоко внутри, он на меня произвел впечатление. Вполне возможно потому, что и сейчас его смотрел, всё-таки мальчик, которому до седин ещё очень далеко. Ещё не прочитано огромное количество книг, не просмотрено невероятное число фильмов, всё ещё впереди. И я ещё не знаю, что этот черно-белый фильм снят по мотивам романа Станислава Лема «Магелланово облако», потому что эта книга тоже впереди...

И ещё я подумал о том, что тогда, сорок лет назад, «Икар ХВ-1» скорее всего показался не очень понятным и не очень интересным моим приятелям, поскольку, фильм, как я догадывался и тогда, был «взрослым» – взрослые разговоры, взрослые проблемы, и не так уж много специальных «космических» эффектов... И, конечно же, «Икар» оказался «не очень советским», словом «не нашим» фильмом. Отечественным блокбастерам детского фантастического кино «Москва – Кассиопея» и «Отроки во Вселенной» ещё только предстояло появиться на экранах. Они и были как раз теми фильмами, которые должны смотреть советские школьники — пионеры и совсем юные комсомольцы.

Добавить к этому нечего. Тем более, давать какие-либо оценки фильму «Икар ХВ – 1» с позиций сегодняшнего дня мне бы не хотелось. Если есть желание, посмотрите его сами, возможно он покажется вам интересным, а может быть и нет. Может быть «Улицы разбитых фонарей», или «Пираты Карибского моря», или «Аватар» ближе, у каждого свой вкус.

Что до меня, то моё желание всё же исполнилось, в субботу вечером, через сорок с лишним лет.

Красный Ленинград – 68

Дело было, когда я учился в первом классе самой лучшей школы (по мнению большинства родителей) лучшего города, в лучшей стране мира под названием СССР. Первоклашка лишь начинает знакомиться с большим и прекрасным миром за пределами дома родного – всё для него ново, всё привлекает внимание и вызывает интерес. Всё хочется узнать, увидеть, подержать в руках. Сейчас я совершенно уверен, что увлечений и интересов у первоклассника никак не меньше, а может быть, даже и побольше, чем у почти взрослого, очень умного и важного выпускника средней школы.

Как и большинство моих друзей-приятелей, я увлекался собирательством. У нас все что собирали – кто значки, кто почтовые марки, кто этикетки со спичечных коробков или фантики от жвачек. Я коллекционировал почтовые марки, и к этому занятию меня привлёк папа, он сам был серьезным коллекционером и крупным специалистом в филателии. Папа мне объяснил, что если уж собирать марки, то не все подряд, а придерживаться какой-то определенной тематики. Во-первых, это интереснее, а во-вторых, собирать всё подряд не имеет смысла (всего не соберешь) и просто глупо. Разумеется, я выбрал тему «животный мир», как и другие мои друзья – юные филателисты.

Папа всегда интересовался, как продвигаются мои дела на ниве филателии, что нового приобрел, что интересного узнал о тех странах, где выпущены те или иные марки, что за животные изображены на марках, каких пород и где они обитают. Иногда он сам участвовал в пополнении моей коллекции – приносил из городского отделения Всесоюзного общества филателистов очень интересные, красивые и редкие марки.

Но однажды папа принес и подарил мне не новые марки, а серию замечательных значков, посвященных городу Ленинграду. К маленькой золотистой колодочке, на которой была выгравирована надпись «Ленинград», крепился небольшой, тоже золотистый четырехугольник. На его поверхности, покрытой то ли эмалью, то ли пластиком, размещалась металлическая нашивка с изображением Стрелки Васильевского острова. Всего было три значка: с красным, синим и зелёным покрытием. Они, как новенькие медальки сверкали, когда на них попадал свет, притягивали и завораживали. Это было настолько красиво, что я подолгу не мог оторвать от значков взгляда.

Правда, меня немного расстраивало то, что я не собирал значки, и, по большому счету, не знал, что с ними делать. Они просто лежали у меня в коробочке, и я периодически ими любовался. Конечно, я не мог не принести их в школу, чтобы показать своим приятелям – одна из самых повторяемых ошибок моего детства. И юности. И взрослой жизни тоже... Принести в школу (в институт, на работу) и показать друзьям то, чего у них нет, и что они тут же, отчаянно захотели бы иметь!

Тогда со мной «водился» один мальчик, звали его Мишка, по прозвищу Боба. Правда, дружком моим он был лишь иногда. Гораздо важнее было то, что мой папа и его отец (большой начальник) были знакомы и притягивали. А много позже, когда потребовали обстоятельства, отец Бобы помог моему папе с устройством на работу.

Сам Мишка Боба был фигурой очень неоднозначной. Без сомнения одарённый, и, возможно, самый умный мальчик в нашем классе, в начальной школе он был круглым отличником. В пятом классе он решил, что всё что ему было нужно, он уже узнал, и забросил учебу. В каждый новый класс он переходил, едва вытягивая на тройки все предметы, и делал это сознательно. Миша не хотел учиться, а хотел заниматься тем, что ему нравилось. Он был замечательным фотографом и освоил это дело профессионально. В девятом классе, его назначили официальным школьным фотографом, и даже выделили под фотолабораторию специальное помещение – бывший туалет на четвертом этаже. Фотолаборатория Бобы была обклеена плака-

тами, разными интересными художественными фотками, вырезками из иностранных и отечественных журналов и прочим. Мы, великовозрастные оболтусы, любили «забуриться» к Бобе в фотолабораторию, чтобы позубоскалить, и пообсуждать девчонок на перемене. Кроме того, Боба оказался исключительно талантливым художником, что называется от Бога. Однажды, в старших классах, когда я заглянул к нему в гости (он жил неподалёку от школы), то увидел на стене большой портрет отца Бобы, работы самого Бобы, мастерски выполненный маслом. Честно говоря, я был поражен, и очень рад за Бобу.

Что же сам Боба... Будучи, в общем, добрым мальчиком, он хулиганил по-мелкому в младших классах, любил в шутку поиздеваться над одноклассниками, особенно нашими записными отличниками и активистами в средних классах. А в старших, вдруг полностью переменялся. Боба стал не по возрасту мудрым и печальным. Казалось, что он, в один момент, из мальчика сразу превратился во взрослого мужчину. Позже, через десять лет, на нашу встречу выпускников-одноклассников приехал дядя с окладистой бородой, и взглядом, умудрённого жизнью старца. Его даже не все сразу узнали...

Но тогда, в 1968 году, когда я имел неосторожность принести свои значки «Ленинград» в школу, Мишка очень захотел, чтобы они были не у меня, а в его коллекции. Очень-очень захотел. Он, кстати, собирал значки, и его, к тому времени уже довольно большая и богатая коллекция, размещалась в специальных дорогих заграничных, с обтянутыми велюром страницами, альбомах. И я мог дать руку на отсечение, что подобных альбомов в городе больше не было ни у кого. Я, во всяком случае, не встречал.

Бобе были очень нужны мои значки. Наверное, он считал, что без них его коллекция была неполной. Да что там! Эти значки стали бы украшением, изюминкой всей коллекции Бобы. Мишка стал ходить за мной буквально по пятам и клянчить значки. Сначала он давил на то, что мы с ним друзья, а друзья, как известно, должны делиться друг с другом значками. Потом убеждал меня в том, что если я собираю марки, то никак не должен собирать ещё и значки, потому что «это нечестно». Угрожал, что больше никогда не будет со мной дружить, если я не отдам ему серию значков «Ленинград». Но я был непреклонен, потому что серия «Ленинград» нравилась мне самому, а потом, я ведь знал, что папа может расстроиться, если узнает, что я кому-то отдал его подарок.

Однажды Мишка подошел ко мне на большой перемене, и с видом заговорщика отвел в сторонку. Оглянулся по сторонам, не подслушивает ли кто, прошептал, что ему удалось «достать» целое богатство. А именно, самую первую, самую ценную, и, разумеется, самую дорогую почтовую марку в мире!

– Это – «Розовый Маврикий», – громко шептал он мне в самое ухо, – таких в мире всего несколько, и те бракованные. Есть ещё «Голубой Маврикий» и «Оранжевый Маврикий»...

И он показал мне, аккуратно уложенную в специальный «марочный» прозрачный пакетик, маленькую беззубцовую марку бледно-оранжевого цвета с изображением профиля какой-то тётки. Самое интересное, что раньше, я уже слышал (возможно, даже от папы) о таких марках, о том, что их очень мало, что они очень старинные и ужасно дорогие. Но чтобы у Бобы, вдруг, появилась одна из таких марок, было выше моего понимания. И, тем не менее, я её держал в руках, и почти не сомневался, что приятель говорит правду. Во-первых, потому что октябрюта никогда не врут, а во-вторых потому что был абсолютно уверен, что в Советском Союзе было возможно всё, в том числе, и раздобыть Первую Почтовую Марку в мире!

А Боба продолжал мне что-то нашептывать, в чем-то убеждать. Он говорил, что готов отдать мне такое богатство лишь только потому, что сам он марок не собирает. И просит он за эту «ценную редкость» всего лишь каких-то три «вшивых» значка! Честно говоря, я был сбит с толку основательно и окончательно. Всё же, где-то в самой глубине души я сомневался, но мальчиком был безотказным. Ему очень хотелось иметь значки «Ленинград», и он вертел пакетиком с «Розовым Маврикием» перед моим носом, показывая обратную сторону марки

с безупречным клеевым слоем. В итоге я сдался. Махнул рукой и согласился. В сущности, этот «Розовый Маврикий» самому мне был ни к чему, ведь я же собирал «животных». И пусть даже первая марка в мире, если на ней изображен непонятно кто, никак не вписывалась в мою коллекцию.

– Значки при тебе? – деловито осведомился мой друг.

Я сказал, что нет, не при мне, но завтра принесу.

– Только ты обязательно принеси, – заволновался Боба, – а то мне за эту марку, один знакомый целый альбом значков даёт. А другой мой знакомый из клуба филателистов предлагает десять рублей, понял?! Но ведь я же для тебя как для друга, сам понимаешь...

На следующий день обмен состоялся, снова на большой перемене. Боба пересчитал значки, спрятал их в карман, как-то странно усмехнулся и убежал. Весь следующий урок я тупо разглядывал маленький желтенький квадратик, ломал голову, почему же он называется «Розовый Маврикий», раз желтого, почти оранжевого цвета, в общем, не понимая, зачем он мне понадобился... И ещё... мне было очень жаль моих значков, почти до слёз жаль.

Вечером дома, я показал марку папе, и сказал, что отдал за неё те значки «Ленинград», которые он мне принес из Всесоюзного общества филателистов.

– Это «Розовый Маврикий», – сказал я, и, не очень уверенно добавил, – самая ценная марка в мире...

Папа, лишь мельком взглянув на марку, внимательно посмотрел мне в глаза. Потом погладил по голове и мягко сказал:

– Тебя обманули, сын. Это не «Розовый Маврикий». Это вообще не марка. Но не расстраивайся, в мире коллекционеров много нечестных людей, попросту жуликов. В следующий раз будешь повнимательнее. И ещё запомни: потерять гораздо легче, чем найти.

Всё. Больше папа мне ничего не сказал, а я на следующий день потребовал у Мишки назад свои значки. Но Боба рассмеялся мне в лицо, и сказал, что ни за какие коврижки их не отдаст. Мена состоялась – возврата нет, и быть не может, потому что назад вещи никто и никогда не меняет. А ещё через день он смеялся ещё больше, гадливо похрюкивая. Он признался, что эту бумажку вырезал из какого-то журнала, где и прочитал про «первую марку в мире». А клей, самый обыкновенный, с почты, сначала намазал спичкой, а потом равномерно размазал пальцем. Ещё Боба рассказал об этом в классе, чтобы все наши друзья, и, особенно, девчонки, узнали, какой я дурак, и какой ловкий и умный парень Боба. Как я уже говорил, он и был самым способным, талантливым и развитым мальчиком в нашем классе в то время.

Что до меня, то грустил я недолго. Настали другие дни, пришли новые марки, новые книги, новые увлечения. А через несколько лет, когда мне пришлось побывать у Бобы дома, я увидел свои значки на самом почетном месте (только эти три значка на целом листе!) в одном из велюровых альбомов. Я смотрел на них со светлой грустью, но вернуть назад даже не попытался. Почему, не знаю...

С тех пор миновала целая жизнь, изменилось всё, кроме, пожалуй, памяти. В июне этого года, мы с женой поехали на «Вернисаж» в Измайлово, где любим побродить среди предметов и вещей Прошлого и Прекрасного, Прекрасного Прошлого, в общем. Не могу сказать точно, что меня остановило у этого продавца значками, но я стал просматривать его «товар», переворачивая одну за другой матерчатые планшеты. И... я увидел то, что, наверное, и должен был увидеть через Вечность. Это был один, из той самой серии «Ленинград», значок со Стрелкой Васильевского острова на красном фоне. Я тут же присвоил ему собственное имя – «Красный Ленинград – 68». Вспышка в памяти, и всё вернулось! Всё-всё, до мелочей вспомнилось. Я смотрел на маленький красный прямоугольничек на золотистой колодке, и чувствовал волну какой-то светлой тоски (хорошо, хоть из глаз не закапало), и одновременно, облегчения. Вот он, мой «Ленинград», у меня в руках, оттуда, из 1968 года. Конечно, я его тут же купил. Продавец отдал недорого, но если бы он запросил две, три цены, или даже пять, я бы купил, не тор-

гуюсь. Ибо память бесценна, и её вещественные свидетельства тоже. Я только сказал бывшему коллекционеру, а ныне реализатору, что должны быть ещё два, на что он покивал головой, мол, да, знаем такое дело, но у него не имеется.

По приезду домой, я зашел в Интернет, и после недолгих поисков обнаружил изображение всех трех значков серии. Более того, я узнал, что имеется ещё и другие подобные значки: Стрелка Васильевского острова на светло-бежевом и памятник Петру I на черном и зелёном фоне. Очень красивая серия «Ленинград». Но ещё красивее то, что я о ней вспомнил и начал поиск.

Первым из «возвращенных» стал «Красный Ленинград-68»

Серия «Черчилль»

Так сложилось, что в начале 1970-х годов мы жили в Чехословакии, по месту службы папы. Мальчишек моего возраста и немного постарше оказалось немало в нашем военном городке, который, впрочем, располагался в черте небольшого города Крнов, что в Северной Моравии. Мы как-то быстро привыкли к своему «особому» положению, и почти не замечали того, что находимся в другой стране, поскольку образовался свой маленький мир, где нам, детям офицеров и сверхсрочников было, в общем, уютно и комфортно.

Среди множества увлечений, занятий, игр, и, собственно учебы в школе, коллекционирование почтовых марок занимало особое место, поскольку считалось безопасным и развивающим, с точки зрения взрослых. Для нас же это было увлекательно, романтично и безумно интересно. Потому что марки, которые мы собирали, в большинстве своём были сплошь «не советскими». То есть, те что можно было купить в газетных киосках и небольших магазинчиках Крнова. Нет, конечно, марки из Советского Союза тоже присутствовали, и в немалом количестве – всё же это были времена социалистического лагеря, Варшавского договора и всего такого прочего, а слова «дружба» и «фройншафт» значили гораздо больше, чем просто слова.

Итак, мы собирали марки. Обменивались, обсуждали, оценивали, в общем, были заняты «полезным» делом, в свободное от учебы и других развлечений время. В основном марки собирались по темам, самыми популярными из которых были, конечно, «животный мир» и «спорт». Когда и у кого в коллекции появилась первая марка с изображением Черчилля, вспомнить невозможно. Однажды она просто возникла у кого-то в альбомчике, и сразу же привлекла внимание всех остальных юных коллекционеров. Толстый Черчилль смотрит с этой марки исподлобья (мол, со мной, дети, шутки плохи) и протягивает руку со своим фирменным (как мы узнали потом у взрослых) жестом – раздвинутыми в стороны указательным и средним пальцем, в виде латинской буквы V, то есть, знака «виктории», значит, по-нашему, победы. В строгом черном костюме, с бульдожьей челюстью, отвисшими щеками и грозным, колючим взглядом. В общем, настоящий Черчилль. Марка крупная, ромбической формы, очень яркая и красивая. По левую сторону указана страна—производитель UMM AL QIWIAN, потом её стоимость, непонятная для нас 5R, и какая-то надпись по-арабски с правой стороны. Отличная марка. Своей оригинальностью она выделялась на фоне других марок в альбоме у этого мальчугана. Он же и рассказал, что недавно видел в киоске на окраине города ещё и другую марку очень похожую на эту. Всем стало понятно, что это не единичная марка, а существует, наверное, целая серия. И марок в ней гораздо больше, чем две, три или даже четыре.

Началась «Большая Охота на Черчилля», то есть, поиск марок из серии, которую мы про себя прозвали просто «Черчилль». Очень скоро юные коллекционеры узнали, что целиком и сразу всю серию достать невозможно. Каждая марка появлялась в единственном экземпляре в маленьких пакетиках вместе с другими марками, и надо было купить весь пакет ради одной этой марки. Но оказалось, что так даже интереснее. Не беда, что другие марки из пакетиков были разнотемные, невзрачные и интереса для нас не представляющие.

Постепенно ажиотаж возрос настолько, что за «Черчиллем» стали охотиться все ребята, даже те, кто вначале выказывал свое равнодушное отношение к новой серии. И даже «значкисты», так мы называли тех, кто собирал значки, и «медалисты», собиратели подарочных медалек. Юные коллекционеры, по двое, по трое и поодиночке бродили по городу, изучая содержимое газетных киосков и магазинчиков города в поисках «Черчилля». «Черчилль» стал своеобразной валютой и мерилем ценности для всех остальных марок, поскольку ценился гораздо выше. На одну, новую марку из серии «Черчилль» можно было выменять целую серию с животными или спортивную, выпущенную в Болгарии, Польше или Монголии.

«Черчилль» шёл постепенно. Главной маркой в серии считалась та, на которой были изображены главы делегаций государств антигитлеровской коалиции: Сталин, Рузвельт и Черчилль позируют фотографам во время Ялтинской конференции 1945 года. Но и остальные марки были тоже весьма необычными и очень интересными. Казалось бы, на первый взгляд, в них ничего необычного не было. Так, просто фрагменты, фотографии из жизни Черчилля. Но в том-то и дело, что это были времена «холодной» войны, и нам было понятно, что в Советском Союзе серию марок, посвященную одному из главных противников мира во всем мире достать просто невозможно. Мы, несмотря на наш юный возраст, были уже пионерами, и прекрасно разбирались в политике. Особенно в международной, которую уверенно проводила в жизнь коммунистическая партия.

Но... тем интереснее была для нас серия «Черчилль». Вот он, в галстук-бабочке, с двумя массивными золотыми цепочками на пузе и толстой сигарой в левой руке, где-то сидит и улыбается нам. А вот марка, где он в шубе, расположился на заднем сидении машины. Рядом с ним какая-то тётка, наверное, жена. Правда, кто-то из ребят доказывал, что это – английская королева, хотя, с другой стороны, что им делать вдвоем в одной машине? У английской королевы что, своей машины нет? На следующей марке Черчилль один, на морском побережье, перед ним мольберт, рядом на столике кисти и краски. Оказывается, Черчилль был ещё и художником. Он сидит к нам спиной, очень занят рисованием. Так же со спины мы его видим на следующей марке. Черчилль, в плаще, в шляпе и с палочкой (наверное, уже очень старый) прогуливается по песочку, возможно куда-то уходит. А вот на этой марке, Черчилль в мешковато сидящем на нем костюме военного покроя и в военной фуражке, рядом с двумя высокопоставленными генералами. Один из них, определенно из войск специального назначения, поскольку в берете, какие обычно носят десантники. Ещё одна марка: Черчилль и какой-то серьезный государственный деятель, скорее всего, американский, сидят в креслах на кирпичной веранде и греются на солнышке. Завершают серию две марки, посвященные прощанию с премьер-министром. Общий внутренний вид большого собора, с гвардейцами в почетном карауле у большого креста. На последней, и наверное, самой необычной марке серии, строгие и печальные люди, скорбно и сосредоточенно несут на плечах гроб, укрытый британским флагом. Черчилль умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.